

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.11>

Сулов Андрей Борисович

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ АНТИСОВЕТСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ. 1958-1959 ГГ.

В статье освещается неизвестный, но значимый эпизод истории инакомыслия в СССР - создание антисоветской подпольной организации в исправительно-трудовой колонии Пермской области в конце 1950-х гг. Анализируются причины создания оппозиционной нелегальной организации, цели и методы ее деятельности, мотивация организаторов, реакция на инакомыслие органов госбезопасности. Используются методы микроисторического анализа, позволившие сделать значимые наблюдения при опоре на сравнительно небольшой и неполный круг источников - на документы частично рассекреченного уголовно-следственного дела, которое вело Пермское управление КГБ. Публикация дополняет историю инакомыслия в Советском Союзе ранее неизвестным и весьма ярким эпизодом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/3/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(89) С. 65-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список сокращений

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini.
 ILS – Desau H. Inscriptiones Latinae selectae. Berolini.

Список источников

1. **Королёв А. А.** Кельтиберский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000. С. 449-452.
2. **Соловьянов Н. И.** О культах воинов вспомогательных войск в римской Британии в I-III вв. // Проблемы истории, филологии и культуры. 2016. № 1. С. 149-152.
3. **Соловьянов Н. И.** О культах римской кавалерии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2016. № 1 (222). Вып. 37. С. 14-15.
4. **Циркин Ю. Б.** История древней Испании. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 432 с.
5. **Ala I Hispanorum Asturum** [Электронный ресурс]. URL: http://ru-wiki.org/wiki/I_Испанская_ала_астуров (дата обращения: 20.10.2015).
6. **Ala II Asturum** [Электронный ресурс]. URL: http://ru-wiki.org/wiki/II_ала_астуров (дата обращения: 30.09.2014).
7. **Ala Hispanorum Vettonum** [Электронный ресурс]. URL: <http://roman-britain.co.uk/military/alavet.htm> (дата обращения: 26.12.2016).
8. **Cohors I Celtiberorum** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esacademic.com/dic.nsf/eswiki/279267> (дата обращения: 02.02.2017).
9. **Cohors II Asturum eq** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esacademic.com/dic.nsf/eswiki/279257> (дата обращения: 12.01.2018).
10. **Corpus Inscriptionum Latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae editum.** Ed. 2. Berolini, 1893-1955. Vol. I-XVI.
11. **Desau H.** Inscriptiones Latinae selectae. Ed. 2. Berolini, 1954-1955. Vol. I-IV.

**THE CELTIBERIANS IN THE ROMAN ARMY
 IN THE PROVINCE OF BRITAIN IN THE PRINCIPATE EPOCH**

Solov'yanov Nikolai Ivanovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Batuzov Aleksei Anatol'evich

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
 nikolai_solovyanov@mail.ru; batuzov93@mail.ru*

The article analyzes the role of the military units of the Spanish Celtiberian tribes in the Roman military structure in the Province of Britain in the Principate epoch. There is a lack of special historical works on this issue both in the world and domestic historiography. The guides mention briefly the subsidiary units of the Roman army that were recruited in Spain. From the sixteen subsidiary units of the Roman army, which were accommodated in the Province, six were formed in Asturias, the territory in the Province of Hispania Tarraconensis where the Celtiberians resided.

Key words and phrases: Roman army; subsidiary troops; auxilia; the Celtiberians; Roman Britain.

УДК 94(56-59)

Дата поступления рукописи: 21.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.11>

В статье освещается неизвестный, но значимый эпизод истории инакомыслия в СССР – создание антисоветской подпольной организации в исправительно-трудовой колонии Пермской области в конце 1950-х гг. Анализируются причины создания оппозиционной нелегальной организации, цели и методы ее деятельности, мотивация организаторов, реакция на инакомыслие органов госбезопасности. Используются методы микроисторического анализа, позволившие сделать значимые наблюдения при опоре на сравнительно небольшой и неполный круг источников – на документы частично рассекреченного уголовно-следственного дела, которое вело Пермское управление КГБ. Публикация дополняет историю инакомыслия в Советском Союзе ранее неизвестным и весьма ярким эпизодом.

Ключевые слова и фразы: инакомыслие; политические репрессии; КГБ; подпольная организация; ИТК; 1950-е гг.

Суслов Андрей Борисович, д.и.н., доцент

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
 absuslov@gmail.com*

**ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ АНТИСОВЕТСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
 В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ. 1958-1959 ГГ.**

История инакомыслия в СССР 1960-80-х гг. на сегодняшний день в историографии представлена более-менее отчетливо, чего нельзя сказать о второй половине 50-х гг. прошлого столетия. Отчасти, видимо, потому что

инакомыслие в это время еще не доросло до тех форм деятельности, какие появляются уже в 60-е. Отчасти, по видимому, по причине недостаточности доступных для исследователей источников. Тем не менее интерес к теме сохраняется и среди современных историков, о чем свидетельствуют публикации последних лет [4; 7; 9; 10].

Среди публикаций по данной проблематике наиболее пристального внимания заслуживают работы В. А. Козлова [3; 4]. Он довольно подробно описывает изменение обстановки возрастания сознательности и организованности протестных действий, начиная с середины 1950-х гг. Опираясь на материалы надзорного производства Прокуратуры СССР за следствием в органах государственной безопасности, В. А. Козлову удалось в общих чертах проследить динамику борьбы КГБ с инакомыслием в середине 1950-х – начале 1980-х гг. Чрезвычайно ценными являются введенные им в научный оборот статистические сведения о числе лиц, осужденных в 1956-1987 гг. за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. В частности, установлено, что в 1957 г. по ст. 70 УК РСФСР было осуждено 1964 человека, в 1958 г. – 1416 человек [3, с. 97]. При этом следует принимать во внимание, что «статистика судимости более или менее корректно отражает ситуацию второй половины 1950-х и отчасти начала 1960-х гг., когда практически каждый выявленный “антисоветчик” попадал под суд» [Там же, с. 96]. По подсчетам В. А. Козлова, антисоветской агитацией и пропагандой в конце 50-х гг. занимались в основном одиночки (более 90% осужденных в 1956-1957 гг.), 6% осужденных действовали небольшими группами (по 2-3 человека), больше половины осужденных (57%) оказались в заключении «за разговоры», т.е. никакой целеустремленной антисоветской деятельностью не занимались, и только треть осужденных (32% – авторы листовок и антисоветских анонимок) можно считать сознательными оппонентами власти [Там же, с. 100].

С материалами Верховного суда СССР, касающимися борьбы с инакомыслием, также работали А. Паповян и Е. Паповян, которые обратили внимание на всплеск политических репрессий после XX съезда КПСС, противоречащий мифу о хрущевской «оттепели» [6]. Довольно много публикаций посвящено «делу Краснопевцева», или «Университетского дела» [2; 5; 8]. Обстоятельства создания и разгрома одного из первых диссидентских кружков получили более или менее пространное освещение, во многом потому что о событиях мог рассказать главный герой – Л. Н. Краснопевцев.

Исследовать проявления инакомыслия в местах лишения свободы, тем более попытки создания там оппозиционных организаций в конце 1950-х гг., невозможно без привлечения репрезентативных источников. К счастью, на сегодняшний день рассекречена и доступна исследователям часть документов по уголовному делу членов «Союза борьбы народно-освободительного движения», созданного в исправительно-трудовой колонии, дислоцировавшейся в Чусовском районе Пермской области. В документах дела, которое вело Пермское управление КГБ, содержится информация о том, что в ИТК-10 летом 1958 г. была создана существовавшая до весны 1959 г. подпольная антисоветская организация, объединившая более 20 заключенных, а также одного свободного гражданина. Она была довольно быстро раскрыта. Против трех ее членов было возбуждено уголовное дело по обвинению в измене родине, антисоветской агитации и пропаганде, а также в организационной деятельности, направленной к совершению особо опасных государственных преступлений (ст. 1, 7 ч. 1 и 9 Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 г.) [1, д. 31451]. Чем закончилось это дело, непонятно, поскольку в распоряжении автора нет ни обвинительного заключения, ни приговора суда. Тем не менее имеющиеся материалы позволяют выявить ряд характерных особенностей в деятельности «подпольщиков».

Доступные для исследователей документы дела (анкеты обвиняемых, их собственноручные показания и протоколы допросов) довольно типичны для уголовно-следственного делопроизводства, для которого, собственно, были предназначены. Естественно, в ряде случаев мы обращаем внимание на формулировки следователей, обусловленные господствующей идеологией и присущей для того времени нормативно-правовой лексикой. Тем не менее стилистика значительной части показаний обвиняемых в протоколах их допросов и собственноручных признаниях позволяет утверждать, что они в большей части адекватно отразили события. Например, в ряде случаев в протоколах зафиксировано несогласие обвиняемых признать те или иные факты, названные следователем. Кроме того, в них содержится ряд деталей, которые сложно и незачем придумывать следователям, а также множество второстепенных подробностей, которые не могли усугубить или облегчить вину подследственных (как составляли клятву организации, на какой бумаге ее записывали и переписывали, где ее хранили, как придумывали шифр и т.п.). Нам же столь подробные описания дают уникальные сведения об ушедшей эпохе.

Основными фигурантами дела стали Михаил Сергеевич Гречищев (1931 г.р., осужденный на 10 лет, судя по анкете, за кражу), Лазарь Савельевич Тумаков (1917 г.р., осужденный на 15 лет, судя по анкете, за изнасилование) и Анатолий Селиверстович Сюзов (1937 г.р., осужденный на 5 лет, судя по анкете, за кражу). Все трое не были достаточно образованными (от 5 до 8 классов), до первой судимости занимали рабочие места, не требующие высокой квалификации. Судя по постановлениям о возбуждении уголовных дел и протоколам допросов обвиняемых, их деятельность ограничивалась написанием программы и клятвы организации и уговорами других заключенных присоединиться к ней для борьбы за изменение власти. Всё это на фоне антисоветских разговоров.

Говорили осужденные об ущербной, по их мнению, внешней политике СССР («СССР вмешивается не в свое дело, защищая интересы Ливана», «Египетскому президенту 1 миллион хлеба дали, а за что, когда у самих народ голодает»), деформациях экономики («сейчас нельзя заниматься на дому никакой кустарной работой», неэффективные колхозы), несправедливостях жизни в Советском Союзе и т.п. [Там же, л. 120-121, 152].

Основным мотивом, подтолкнувшим осужденных к созданию подпольной организации, судя по всему, стало ощущение несправедливости существующего строя. Заключение А. С. Сюзев объяснил это на допросе следующим образом: «У меня сложилось мнение, что Советская власть и Коммунистическая партия, по моему убеждению, проводят неправильную политику... в ущерб интересам трудового народа» [Там же, л. 126-127].

Идея создания организации появилась как результат разговоров двух заключенных о несправедливостях жизни в СССР в июне-июле 1958 года. «Слушай, Михаил, давай организуем организацию, которая будет целью своей ставить добиваться законов и жизни годов НЭПа», – предложил Тумаков Гречищеву и получил согласие. Кто из них был руководителем СБНОД, следствие так и не установило. Сами они во время следствия уступали друг другу сомнительную пальму первенства. По-видимому, четкого закрепления иерархии и не существовало. Организаторы собирались создать руководящий комитет из числа тех, кто сумеет набрать «пятерки» членов, но до этого дело не дошло.

Показательна наивная вера новоиспеченных подпольщиков в ритуалы. Довольно много времени и сил ушло у них на разработку клятвы членов Союза и сбор подписей у завербованных. «Главное сделать клятву организации», – заявил Гречищев своему товарищу, после чего они начали искать теоретический материал для нее. Искали в первую очередь в лагерной библиотеке, перелопатили имеющиеся книги о революционном движении в различных странах. Показательно, что в конечном счете за основу была взята клятва «Молодой гвардии». Составленный первоначально проект потом неоднократно, не менее восьми раз, переделывался [Там же, л. 122-123].

Использование советскими диссидентами организационных форм, заимствованных у революционеров начала XX века и подпольщиков времен Великой Отечественной войны, не раз попадало в поле зрения исследователей. В нашем случае мы сталкиваемся с тем же феноменом. В условиях «железного занавеса» для тех, кто становился на рискованную дорогу «борьбы за свободу», выбор идейных и организационных образцов был крайне ограничен. Поэтому не случайно в качестве идеологии часто выступал «истинный марксизм», благо, источников было довольно много, противоречия с современной линией партии выявлялись довольно легко. Романтизированные образы пламенных революционеров в большом количестве предлагались официальной советской пропагандой. Герои-революционеры были главными действующими лицами значительного количества литературных произведений, кинофильмов, театральных постановок. Их честность, самоотверженность, героизм, а также в деталях описанные способы подпольной деятельности, в том числе конспиративные приемы ухода от слежки, укрытия нелегальной литературы и т.п., впитывались новым поколением борцов. Такими, судя по изученным документам, были и создатели «Союза борьбы». Кстати, идеологические основания для клятвы они искали и наши в лагерной библиотеке.

В соответствии усвоенными «отцами-основателями» Союза стереотипами, подпольная организация должна была иметь свою бюрократию. В частности, была предпринята попытка изготовить печать, но взявшемуся за это Сюзеву не хватило мастерства. Собирались в дальнейшем завести членские билеты [Там же, л. 194 об., 197-198].

С высоты сегодняшнего дня могут показаться забавными и примитивными конспиративные ухищрения активистов СБНОД: придумывание паролей, вроде сличения линий разрыва листа из тетради или двух обломков карандаша, шифрование записей и т.п. С исторической дистанции это выглядит как игра, особенно если учесть, что обвиняемые критиковали советскую власть в среде заключенных открыто и агитировали вступать в организацию, которая борется за изменение социального строя (!) прямо и не очень осторожно. Непонятно, насколько они отдавали себе отчет, что для обвинительного приговора хватит показаний нескольких осужденных без всяких вещественных доказательств, а среди двух десятков завербованных заключенных обязательно найдутся желающие поделиться информацией с лагерными особистами. Судя по протоколам допросов, организаторы все-таки боялись разоблачения, старались держать в секрете факт существования организации, опасались широко распространять программные тексты, не раскрывали всем членам Союза его состав. Однако их не особо умелые конспиративные ухищрения в условиях лагеря вряд ли могли сохранить тайну надолго.

Анализ документов показывает, что деятельность обвиняемых заключалась в основном в агитации за вступление в организацию в среде заключенных. Более половины объема протоколов допросов и чистосердечных признаний занимают описания того, как собирались подписки на клятву. А. С. Сюзев прямо заявил на допросе, что его целью было «открыть трудовому народу глаза на правду» [Там же, л. 127]. Активисты вели многочисленные беседы с товарищами по несчастью, тем, кто разделял их антисоветские настроения, предлагалось вступать в Союз и подписать клятву. Заметим, что подпись клятвы как возможная улика становилась потенциальным инструментом шантажа. Для вступающих положение дел приукрашивалось: им сообщалось о наличии ЦК, многочисленных ячеек подпольной организации в лагерях и на воле, о широкой готовности населения начать открытую борьбу. Тем, кто вдруг решал выйти из организации, иногда угрожали, причем угрозы, бывало, приобретали фантазмагорические очертания. Так, заключенному Н. Ф. Дятлову было сказано: «...кто не хочет состоять или не будет выполнять тех требований на свободе или здесь, то тех людей ждет незавидная вещь, а именно: об этих людях будет сообщено в ЦК СБНОД, а позже этих людей продадут шпионам из-за границы, которые будут ими впоследствии распоряжаться» [Там же, л. 196, 232]. В разговорах Гречищева и Тумакова также фигурировала идея о создании суда по типу революционного трибунала на случай измены кого-либо из членов, но во что-либо конкретное эта идея не вылилась. Судя по показаниям Гречищева, иногда Тумаков давал прочитать членам организации что-то похожее на короткие прокламации, написанные

им на папиросной бумаге. Например, в одной из таких прокламаций было написано: «Фабрики и заводы большие и недры – государству, а маленькие в награду кто будет бороться за годы НЭПА» [Там же, л. 234].

Перспективные планы деятельности подпольщиков и их организационные подходы лучше всего передают следующие показания заключенного ИТК-10 А. С. Сюзева на допросе 18 июля 1959 г.: «Все члены “СБНОД” должны проводить широкую вербовочную работу в организацию с тем, чтобы расширить ее ряды и одновременно проводить антисоветскую агитацию населения. Такую работу нужно проводить, вернее, уже проводится в рядах Советской армии. Когда же будет проведена достаточная работа, то руководство СБНОД поднимет восстание в стране, в ходе которого должна быть свергнута советская власть и должны установиться новые порядки с допущением частной собственности» [Там же, л. 196 об.].

Разговоры о вооруженном сопротивлении и захвате власти, по существу, были беспредметными и не подкреплялись соответствующими действиями. Так, рассказы Сюзева вербуемым о том, что где-то на воле хранятся оружие и радиостанция [Там же, л. 146-147], являются, по существу, голословными заявлениями. Об обнаружении какого-либо оружия или радиостанции нигде в документах не упоминается. Зафиксированные в протоколе слова Тумакова «надо достать наган» вряд ли можно идентифицировать как попытку завладения оружием. Если называть вещи своими именами, сбор подписей заключенных под клятвой совсем не походил на приписанный обвиняемым заговор с целью захвата власти. Более того, стратегия деятельности СБНОД в показаниях Тумакова и Гречищева вырисовывалась вполне отчетливо: сначала агитация за идею изменения строя и только при появлении достаточного количества сторонников – переход к действиям по изменению власти. О реализации второй части замысла на момент раскрытия организации никто из активистов и не помышлял. Во всяком случае, этот не было зафиксировано в материалах следствия.

Сотрудникам КГБ, проводившим следствие, не составило большого труда найти нужные для обвинения доказательства: они получили довольно объемные признания обвиняемых и показания свидетелей, нашли несколько уличающих документов при обысках. Всё это легко укладывалось в логику упомянутого выше закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и существовавшую еще со сталинских времен правоприменительную практику. Некоторые следы таких практик можно найти в собственноручных показаниях обвиняемых. Например, в признании Гречищева можно найти фразу, написанную явно под диктовку следователя: «Я, Гречищев, встал на путь контрреволюционной борьбы... решил бороться против всех тех завоеваний, что мои отцы завоевали в 1917-1918-1919 году кровью и потом у капиталистов и кулаков и царского самодержавия во главе с вождем В. И. Ленином» [Там же, л. 100], – столь высокопарный стиль не соответствует обыденному мировосприятию заключенного и стилистике других показаний Гречищева. В ряде показаний обвиняемых встречаются речевые обороты вроде «вел антисоветские беседы», «высказывал антисоветские измышления», «возводил клевету на советскую действительность», «пороча и оклеветывая правительство и коммунистическую партию СССР», «мне удалось склонить на преступный путь и вовлечь в организацию заключенных» и т.п., в которых нетрудно заметить тенденциозную интерпретацию следователей.

В своих «чистосердечных показаниях» Гречищев написал, что «понял свою ошибку и раскаялся в своем преступлении» [Там же, л. 236]. Но определить, насколько это признание было искренним, вряд ли возможно.

Цели создания «широко разветвленной подпольной антисоветской организации “Союз борьбы народно-освободительного движения”» чекисты квалифицировали как «изменение существующего в СССР социалистического строя и захват власти» – так утверждалось в постановлении о предъявлении обвинения, составленном начальником следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Пермской области полковником Павловым 17 июня 1959 г. [Там же, л. 273]. Если же руководствоваться современным пониманием права, очевидно, что активисты «Союза борьбы» обвинялись, если говорить словами Д. Оруэлла, в «мыслепреступлении». То есть их вина состояла только в том, что они не были довольны существующим положением дел и в среде своих товарищей критиковали его, а также получили согласие группы людей поддержать их в борьбе против несправедливого строя. При этом не было призывов к непосредственным насильственным действиям и, тем более, самих этих действий.

Таким образом, изучение документов по делу СБНОД позволяет утверждать, что недовольство советской властью порождало стремление к организованной борьбе не только в кругах интеллигенции, но и даже в среде заключенных. Происходившее в исправительно-трудовой колонии в целом хорошо вписывается в сформировавшиеся в историографии представления о распространении в СССР идей свободы и борьбы за свободу и дополняет их. Подпольная организация заключенных обладала теми же типичными чертами, что и создававшиеся на свободе кружки инакомыслящих среди рабочих и интеллигенции. Идею платформу организации нельзя назвать определенной, марксистские идеи перемешивались с неприятием социалистического строя. Нельзя говорить и о четком функционировании организации и продуманности планов. Организационные формы и методы деятельности во многом заимствовались у революционеров-подпольщиков. Деятельность подменялась разговорами и ограничивалась созданием программных документов. Это вполне соответствует общему идейному вектору эпохи, когда инакомыслие становится социальным явлением, когда накапливалось недовольство разных слоев общества существующей системой и появлялось стремление к солидарности на этой основе. Показательным можно назвать также стремление власти жестко подавлять даже слабые ростки оппозиционности, традиционно идентифицируя их как заговор, не разводя намерения и поступки. Слова и намерения, как и в предшествующую сталинскую эпоху, по существу, приравнивались к мятежным действиям, сопровождалась суровыми уголовными наказаниями.

Список источников

1. Архив УФСБ по Пермскому краю. Коллекция рассекреченных документов.
2. «Дело» молодых историков (1957-1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 106-135.
3. Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953-1982 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 93-111.
4. Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953-1985 гг. М.: Олма-Пресс, 2006. 448 с.
5. Краснопевцев Л. Н. Записки хранителя [Электронный ресурс]. URL: <http://muzeum.me/index.php?page=news&n=8> (дата обращения: 08.05.2018).
6. Паповян Е., Паповян А. Участие Верховного суда в выработке репрессивной политики. 1957-1958 гг. // Корни травы: сб. статей молодых историков / под ред. Л. С. Ереминой, Е. Б. Жемковой. М., 1996. С. 54-72.
7. Романкина И. А. Типология диссидентского движения в СССР: 1950-е – 1980-е годы: дисс. ... к.и.н. Коломна, 2007. 197 с.
8. Сергеев В. Н. «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева – Л. Ренделя [Электронный ресурс] // Школа-конференция молодых ученых ИРИ РАН. URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=69> (дата обращения: 08.05.2018).
9. Скутнев А. В. Протестное движение в СССР в 1945-1985 гг.: эмиграция и диссидентское движение. Киров: Изд-во КФ СПбГУП, 2011. 120 с.
10. Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 400 с.

**AN ATTEMPT TO CREATE AN ANTI-SOVIET CLANDESTINE ORGANIZATION
IN THE CORRECTIVE LABOUR CAMP IN 1958-1959**

Suslov Andrei Borisovich, Doctor in History, Associate Professor
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
absuslov@gmail.com

The article describes an unknown but significant episode of the history of dissidence in the USSR – creation of an anti-Soviet clandestine organization in the corrective labour camp of Perm region at the end of the 1950s. The author analyzes the motives to create an illegal oppositional organization, purposes and methods of its activity, the organizers' motivation, reaction of the state security bodies to dissidence. Micro-historical analysis methods allowed the author to make meaningful conclusions relying on the comparatively small and incomplete source basis – documents of a partially declassified criminal investigatory case prosecuted by Perm regional KGB Department. The publication adds an unknown and very dramatic episode to the history of dissidence in the USSR.

Key words and phrases: dissidence; political repressions; KGB (Committee for State Security); clandestine organization; corrective labour camp; the 1950s.

УДК 93/99(093)

Дата поступления рукописи: 02.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.12>

В статье впервые в науке на широком круге источников рассматривается значение термина «фряги», который присутствует в русских памятниках XII-XVII вв. (летописях, хронографах, хождениях, сказаниях, повестях). Их детальный анализ показывает, во-первых, что данный термин одновременно использовался в трех проекциях: частной – итальянцы – и в двух проекциях общего: географической – западноевропейцы – и вероисповедальной – католики, во-вторых, что он никогда не означал, вопреки весьма распространенному мнению, тиражируемому историками и филологами, «вообще иностранца» или «чужеземца».

Ключевые слова и фразы: фряги; западноевропейцы; итальянцы; крестовые походы; Константинополь; Царьград.

Фомин Вячеслав Васильевич, д.и.н., профессор
Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
vfominv@mail.ru

ТЕРМИН «ФРЯГИ» РУССКИХ ПАМЯТНИКОВ XII-XVII ВВ. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

В науке, наряду с иными мнениями по поводу значения термина «фряги» («франки», «французы», «генуэзцы», «итальянцы»), существует еще одно, согласно которому он имел самый широкий смысл. Так, М. Н. Тихомиров утверждал, что в конце XV в. именем итальянцев «обозначали всех иноземных мастеров», в связи с чем «фряги» было тождественно слову «вообще иностранцы». Ю. А. Лабунцев подчеркивал, что «фряги – в широком значении – иностранцы, в более узком – итальянцы» [22, с. 340; 57, с. 342-345], В. П. Сомов – «фряг» есть «старинное наименование итальянца; а также вообще чужестранца», Т. Ф. Ефремова – «фряжский» означал не только «французский», но и «чужеземный, иностранный» [10, с. 922; 53, с. 595].

Широкое значение термина «фряги» демонстрируют многие памятники. В «Хождении» игумена Даниила (сохранилось около 150 его списков нескольких редакций, древнейший из которых восходит ко второй половине XV в.) полярно представлены «кандило гречское» и «фряжское», т.е. лампада православных и лампада католиков, что в г. Самарии на месте усечения Иоанна Предтечи «есть ныне ту манастырь фряжский» (таким же звучанием наполнена его информация о полах «латиньсти» – католических –